

Василюк Ф.Е.

**ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
В ПСИХИАТРИИ**

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. Постклассическое мышление в психиатрии [Текст] / Ф.Е. Василюк // Пути обновления психиатрии. – Вып. 2: Материалы IV съезда НПА / под ред. Ю.С. Савенко. – М.: Литература и политика, 1992. – С. 134-148.

ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ПСИХИАТРИИ

Ф.Е.Василюк

«Камень, который отвергли
строители, соделался главою угла».

(Пс. 117, 22)

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Отечественная психология так резко изменилась за последнее десятилетие, что кажется принадлежащей к другому "биологическому" виду, чем психология образца 1980 года. Происходящие "мутации" заметны даже в сонной атмосфере официальной академической психологии, а уж в стихии социальной жизни от них просто пестрит в глазах: появился массовый рынок психологических услуг – индивидуальное консультирование и психотерапия, детская игровая психокоррекция, развитие памяти и воображения, тренинги менеджеров и депутатов, семейная терапия и пр. и пр.

Но в чем, спросят, такая уж принципиальная новизна? Разве это не простое расширение давно существующей прикладной, практической психологии? В том-то и дело, что у нас была именно и только прикладная, практическая психология (т.е. приложения психологии к различным социальным сферам,

по имени этих сфер и получавшие свои названия – педагогическая, медицинская, спортивная, инженерная и т.д.), но не было психологической практики (т.е. особой социальной сферы психологических услуг). Будь, например, здравоохранение таким, какой еще совсем недавно была психология, у нас было бы несколько академических медицинских институтов и факультетов, сотни медицинских кафедр в вузах, различные отрасли, от молекулярной до космической, медицины и на всю страну – ... две поликлиники и десяток подпольно практикующих врачей.

Множащиеся сейчас психологические службы – это не просто еще одна отрасль практической психологии, наряду с названными. В них и через них отечественная психология наконец-то становится самостоятельной практической дисциплиной. Это историческое для судьбы нашей психологии событие. В 20-х годах, когда психология впервые столкнулась с высокоорганизованной практикой – промышленной, воспитательной, политической, военной, – Л. С. Выготский увидел в этом факте источник такого значительного обновления психологической науки, что психолог, по его словам, мог бы сложить гимн новой практической психологии. Но если это было справедливо для практической психологии, т.е. для включения психологии в существующие виды социальной практики, то это трижды справедливо для произошедшего на наших глазах рождения собственно психологической практики. Значение психологической практики для психологии трудно переоценить. Психологические службы не просто "важны" для психологии, она обретает в них свое тело, не больше и не меньше. Психологические службы для психологии то же, что школа для педагогики, церковь для религии, клиника для медицины. Психологическая практика – источник и венец психологии, альфа и омега, с нее должно начинаться и ею завершаться (хотя бы по тенденции, если не фактически) любое психологическое исследование.

В чем же отличие психологической практики от практической психологии? В том, прежде всего, что первая – "своя" для психологии практика, а вторая – "чужая". Это означает, во-первых, что цели деятельности психолога, подвизающегося в "чужой" социальной сфере, диктуются ценностями и задачами этой сферы; во-вторых, непосредственно практическое воздействие на объект (будь то личность, семья, коллектив) оказывает не психолог, а врач, педагог или другой специалист; в-третьих, естественно, и ответственность за результаты несет этот другой. Психолог оказывается отчуж-

денным от реальной практики, и это ведет к его отчуждению от собственно психологического мышления.*

Не вспомнить ли здесь одну из главных аксиом марксизма: "бытие определяет сознание"? Реальное бытие практического психолога в сфере той или другой практической деятельности определяет его профессиональное сознание, вынуждает мыслить так, как этого требуют задачи, цели и традиции этой сферы: образуется мощная тенденция к утрате специфики психологического мышления. Эта тенденция хоть и не всесильна, но неуклонна и неизбежна: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Например, патопсихолог лишается в области психиатрии одной из важнейших прерогатив полноценного научного исследования – самостоятельности в выделении из реальности предметов изучения. Он вынужден довольствоваться лишь психологическим исследованием и оправданием психиатрического расчленения реальности, которое диктуется медицинской практикой. Лишенный, таким образом, в психиатрии "эфферентного поля", он лишается и категориальной специфики своего восприятия.

С появлением самостоятельных психологических служб, собственно психологической практики принципиально меняется **социальная позиция психолога**. Он сам формирует цели и ценности своей профессиональной деятельности, сам осуществляет необходимые воздействия на обратившегося за помощью человека, сам несет ответственность за результаты своей работы. И это резко изменяет и его отношение к людям, которых он обслуживает, и его отношение к самому себе и участвующим в работе специалистам другого профиля, и, главное, сам стиль и тип его профессионального видения реальности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Формирующееся в связи с появлением психологической практики новое положение психологии в общественной жизни создает новую ситуацию внутри самой психологии. Главный параметр оценки этой ситуации – отношения между психологической наукой и практикой.

*

Речь идет не о том, что психолог совсем не участвует в системе практических мероприятий. Например, в психиатрической больнице его участие может быть очень велико, но даже там общий план лечения, последнее слово в диагностике и оценке результатов терапии, словом, все стратегические пункты деятельности принадлежат врачу. Так и в любой другой области.

Пока психология не начала оформляться в отдельную социально- практическую сферу такого же типа, как педагогика или медицина, пока не имела внутри своего состава и собственной практики, и науки, а совпадала с одной лишь наукой, она знала только "чужую" практику, имела дело только с практикой, принадлежащей другим сферам.

Психологию и практику разделяла тогда граница – причем с односторонним движением — от психологии к практике. Отношения между ними определялись принципом внедрения. Для психологии это всегда были "внешнеполитические" отношения, ибо, даже включившись во внутреннюю жизнь той или другой практики, войдя в самые ее недра, психология не становилась сродственным ей ингредиентом, т.е. не становилась практикой, а оставалась все-таки наукой. Так существует посольство в чужом государстве, сохраняющее всегда статус частички "своей" территории. Поэтому патопсихолог, специалист по педагогической или инженерной психологии, даже став совсем "своим" в больнице, школе и на заводе, все-таки неизбежно чувствовал себя "чужим среди своих". Даже непосредственное участие психолога и психологии в решении разных практических задач не меняло принципиально положения границы: практика всегда оставалась для нее чем-то внешним, говоря словами Л. С. Выготского, "выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией занаучной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной". [1;.387]

С появлением самостоятельных психологических служб, собственно психологической практики привычный лозунг о внедрении психологии в практику должен быть перевернут: наоборот, практику надо внедрять в психологию. Отношения между наукой и практикой должны стать для психологии "внутриполитическими", практика должна войти внутрь психологии, причем, как главный философский принцип всей психологии. Камень, который отвергли строители, должен стать во главу угла. При всей важности для психологии участия в различных видах социальной практики, нужно отчетливо осознавать, что только своя психологическая практика может стать краеугольным камнем психологии. Это принципиальное уточнение мы должны сейчас сделать к прогнозу Л. С. Выготского, который рассчитывал, что столкновение с военной, промышленной, воспитательной практикой оздоровит нашу науку.

В гуще психологической практики впервые возникает настоящая жизненная, т.е. вытекающая не из одной лишь

любопытности, потребность в психологической теории. Впервые потому, что от "чужой" практики всегда исходил запрос не на теорию, а на конкретные рекомендации и оценки, ее представителями теория воспринимается как необязательная, досадная нагрузка к методикам.

Психологической же практике теория нужна как воздух. Но обращаясь к существующим психологическим концепциям личности, деятельности, коллектива и т.д., психолог-практик не находит в них ответа на главные свои вопросы: зачем – в чем смысл, предельные цели и ценности психологического консультирования, тренинга и пр.?; что именно он может и должен делать, какова зона его профессиональной компетенции?; как достигать нужных результатов?; почему те или иные действия приводят именно к такому результату, каковы внутренние механизмы, срабатывающие при этом? Словом психолог-практик ждет от теории не объяснения каких-то внешних для практики сущностей, а руководства к действию и средств научного понимания своих действий. Но кроме того, и это самое важное, психологическая практика нуждается в такой теории, у которой можно не только что-то взять, но которой можно отдать. Практическая работа порождает богатейший живой материал, и, не имея подходящих теоретических средств для ассимиляции этого материала, психолог чувствует себя как сказочный герой, которому позволено унести столько золота, сколько он может, а у него нет под рукой даже захудалого мешка. Это последнее требование: возможность отдавать, вкладывать в теорию свой капитал, радикально отличает "свою" психологическую практику от "чужих" в их отношении к психологической теории.

Вполне очевидно, что теория, созревшая в академической исследовательской плоскости, в отрыве от психологической практики, не способна удовлетворить эти требования.

Таким образом, психологическая практика не может продуктивно развиваться без теории, и в то же время, она не может рассчитывать на академическую теорию. Ей нужна особого типа теория, назовем ее психотехнической.

Мы используем этот термин в том особом методологическом смысле, который ему придавал Л. С. Выготский (1982) и который закреплен и развит в книге А. А. Пузырея (1986). "Несмотря на то, что она не раз себя компрометировала, – писал Л.С.Выготский о современной ему психотехнике, – что ее практическое значение очень близко к нулю, а теория часто смехотворна, ее методологическое значение огромно. Принцип практики и философии –

еще раз – тот камень, который презрели строители и который стал во главу угла" (1982, с. 388). Но что это за странный камень, спросим себя, претендующий быть краеугольным и в то же время не монолитный, состоящий из двух частей, философии и практики? И о какой философии идет речь?

Л. С. Выготский соглашается с Л. Бинсвангером, что решения главных вопросов психологии мы не можем ждать от логики, гносеологии, или метафизики, т.е. основных частей философии. Значит, не обычная философия имеется в виду, когда говорится о краеугольном камне. Какая же? "Философия практики", – формулирует Л. С. Выготский. А что такое "философия практики" применительно к психологии? Это "методология психотехники". Итак, выстраивается синонимический ряд: философия и практика = философия практики = методология психотехники = психотехника – в одном слове" (Там же, с. 388-389).

Зная мышление Л. С. Выготского, его метод выделения "единиц" анализа, можно не сомневаться, что "психотехника" для него как методологический принцип есть "единица", объединяющая в себя философию и практику. Поэтому "психотехника" и есть краеугольный камень новой психологии, содержащий практику в своем внутреннем устройстве, как "конструктивный принцип" (Там же, с.388), и в силу своего положения во главе угла требующий выравнивать, выверять по себе все стены и перекрытия возводимого здания, неизбежно воспроизводя в каждом пункте этого строительства принцип практики, философию практики как руководящую идею.

Соответственно, все это здание, вся теория, основанная на таком камне, будет **психотехнической**.

"АКАДЕМИЧЕСКАЯ" И ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В чем конкретно состоят особенности психотехнической теории? Попробуем ответить на этот вопрос, сопоставив по ряду параметров психотехническое познание с доминирующей пока в психологии естественнонаучной гносеологией. Мы называем последнюю "академической", потому что вся психология сводилась до недавнего времени к одной лишь психологической науке, та строилась в основном по образцам естественных наук, как самых "научных", а академизм есть синоним и символ научности.

Ценности. Ценностная ориентация академической психологии в лучших ее образцах соответствует канонам классической

науки и вообще "классической рациональности" (Мамардашвили, 1984). "Объективная истина", не зависящая от чьей-либо субъективности и произвола, считается здесь не только высшей, но единственной ценностью. Психотехническая же система, включающая в себя реальную практику как свой живой орган, обязана сознательно выбрать свою ценностную позицию в контексте всех основных ценностей – истины, добра, красоты, святости, пользы и пр. Речь идет не только о человеческой позиции психолога и не о ценностной рефлексии уже сделанного, а о том, что ценностная установка должна быть имманентным началом теории и войти в ее ткань. Это положение – не нравственный императив, а необходимое условие получения научного, но, разумеется, не "естественно-научного" знания о "психотехнической реальности"*

Адресат. Подавляющее большинство научных психологических трудов пишется у нас для академических психологов и используется ими для работы над своими собственными научными трудами. При этом в аннотациях указывается, что работа будет интересна или полезна для философов, педагогов, социологов и т.д., но сама процедура извлечения этой пользы или нахождения этого интереса – дело читателя, совершенно внешнее по отношению к авторскому замыслу психолога.

Адресатом же психотехнической теории является психолог-практик, а это особый читатель. Если, по выражению М. К. Мамардашвили, "Сезан мыслит яблоками", то психолог-практик мыслит "клиническим" опытом. Поэтому создаваемая для него теория должна быть релевантна этому опыту. Психолог-практик – не просто внешний контролер адекватности, истинности и эффективности, он – неотъемлемый внутренний персонаж психотехнической теории. Эта теория от него, про него и для него.

Субъект познания. В соответствии с идеалами классического гносеологизма, познание должно быть независимым от познающего субъекта, т.е. от его отношения к объекту исследования, личной позиции, вкусов и предпочтений. Поэтому в реальной исследовательской практике психолог предпринимает попытку занять нейтральную, отстраненную позицию если не "абсолютного", то хотя бы "среднестатистического" наблюдателя.

В психотехнической же практике, напротив, психолог занимает заинтересованную, участную и личную позицию, и

* Такая особенность позволяет отнести психотехническое познание к "постнеклассическому" типу по классификации В. С. Степина.

осуществляет познание именно из такой позиции. Кроме того, в психотехнической ситуации он является не единственным познающим; его клиенты (пациенты, участники групп) выступают как вполне равнозначимые и незаменимые партнеры, так что самые творческие моменты продвижения к истине возникают, когда образуется диалогический "совокупный субъект" познания.

Контакт. В естественно-научном психологическом исследовании контакт с испытуемым рассматривается как неизбежное зло, которое может исказить объективную картину. Исследователя интересует объект в том виде, как он существует без и независимо от контакта. Соответственно, предпринимаются попытки минимизировать, стандартизировать контакт, сделать его эмоционально нейтральным. Контакт с испытуемым экспериментатор мечтал бы превратить в своего рода детектор или узкую смотровую щель, сквозь которую был бы виден только один, интересующий исследователя аспект.

В психотехнической практике, как правило, стремятся к интенсивному, уникальному и эмоциональному контакту. Разумеется, здесь есть свои тончайшие и строжайшие правила и ограничения. Но важно то, что если в естественно-научном познании главное достоинство контакта – его узость и прозрачность, создающие ограниченную, но ясную и отчетливую область зрения, сама же эта смотровая щель не интересует исследователя, то в психотехническом знании нет стремления элиминировать сведения о контакте. Напротив, они являются самыми ценными и существенными. Если в естественно-научной познавательной ситуации контакт связывает субъекта и объекта узким "каналом", то в психотехнической – скорее объединяет их, образуя общее "поле", в которое включены участники.

Процесс и процедуры исследования. В исследованиях, отвечающих естественно-научным идеалам, применяются "жесткие" и однонаправленные экспериментальные программы. Сама программа эксперимента может меняться только от опыта к опыту, но в ходе проведения опыта она не меняется в зависимости от складывающейся ситуации, поведения испытуемого и состояния экспериментатора. Обстоятельства могут, конечно, помешать выполнить программу, но тогда эксперимент считается сорванным, несмотря на то что сам этот срыв порой может дать много ценной информации.

Духу психотехнического познания более отвечают процедуры, создающие человеку оптимальную ситуацию для самопознания и самораскрытия. Эти процедуры отличает **гибкость**, незап-

рограммированность, стремление к уникальному реагированию на уникальную ситуацию. Эта гибкость лишена произвола и необязательности в той же степени, как единственный ход в шахматной партии и единственное слово в поэтической строке. Другой особенностью является направленность доставляющих знание процедур не только на пациента (клиента, участника тренинговой группы), но и на самого психолога, на его отношения с пациентом, на сам психотехнический процесс.

Знания. Естественно-научные психологические знания о человеке являются достоянием исследователя и предназначены либо для научных нужд психолога, либо для практических нужд другого специалиста (врача, судьи, тренера), но не для самого человека. По форме это знание в третьем лице, "о нем", неконвертируемое в диалог с испытуемым и потому не сообщаемое ему или сообщаемое в искаженном виде.

В психотехническом процессе могут циркулировать знания самого разного типа, но знания, которые продвигают и углубляют этот процесс и которые, в то же время, являются симптомами такого продвижения и углубления, это знания внутренние, личностные, знания не умом только, а всем человеческим существом. Предмет этого знания не обязательно Я САМ, но то, с чем я нахожусь в непосредственном живом контакте, с чем могу внутренне эмоционально отождествиться. Это знание не о чем-то внешнем, отсутствующем, отдаленном, знание не "о нем", а о внутреннем, близком, что присутствует во мне или в чем присутствую Я, т.е. знание "о себе" или "о тебе".

Предмет теории. В естественно-научной теории действительность берется, говоря словами марксовых тезисов, "в форме объекта", а в психотехнической теории, напротив, – как "человеческая чувственная деятельность, практика", "субъективно", причем, не со стороны, как чья-то деятельность, практика, а изнутри, как моя практика. Такое познание не смотрит на мир со стороны из вне- и надмирной позиции, а изнутри практики смотрит на открываемый ею мир. Психотехническая теория – это не теория некоего "объекта" (психики, деятельности, мышления), а теория психологической работы-с-объектом. Это теория практики. Стилистическое подтверждение такой формулы содержится в названиях, данных, например, З. Фрейдом или П. Я. Гальпериным своим несомненно психотехническим по типу системам: не теория бессознательного, а психоанализ, не теория умственной деятельности или мышления, а теория поэтапного формирования умственных действий. В обоих случаях – теория практической

деятельности психолога (анализа, формирования).

Соотношение предмета и метода. Роль метода в естественно-научном познании состоит в том, чтобы превратить эмпирический объект изучения в предмет исследования. Так, при изучении условных рефлексов у собак в школе И. П. Павлова животное ставилось в такие условия (ограничение стимуляции, движений и др.), чтобы все его поведение фактически сводилось к условнорефлекторному реагированию. Создав такого рода искусственный препарат, метод как бы отходит в тень, предлагая рассматривать этот сфабрикованный предмет как натуральный объект.

В психотехническом познании происходит парадоксальный для классической науки методологический переворот: метод здесь объединяет участников взаимодействия (субъекта и объект познания в неадекватной старой терминологии), как бы вбирает их в себя и превращается в своего рода "монаду", которая и становится предметом познания. Но, как известно, "монада не имеет окон" (Лейбниц), она познается изнутри.

Например, ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ постановка проблемы переживания горя состоит в исследовании утешения, психотехническая постановка проблемы бессознательного – в исследовании "толкования бессознательного". И сколь бы изощренной ни была рефлексия таких исследований, сколь бы сами они ни были вторично объективно-научными, первично они исходят из утешения и толкования, и только здесь, внутри тела этих моих психотехнических действий, я профессионально и "научно" встречаюсь с горем и бессознательным, с собой – психологом, с тобой – моим собеседником и пациентом. Причем, встречаюсь с ними (нет – с нами) как со взаимодополнительными и необходимыми моментами некоего единства, а не как отдельными и самодостаточными "объектами". Разумеется, в ходе внутреннего развития и дифференциации такого познания не избежать объективаций и появления как бы естественнонаучных знаний о горе и бессознательном, но это, повторим, "вторично-научные" знания, выросшие на психотехнической закваске.

Что до методологического статуса таких знаний, то в отличие от самых развитых, неклассических" естественно-научных исследований, доросших до того, чтобы знания о методе включать в знание об исследуемом объекте, здесь, в психотехническом познании, наоборот, знания об "объекте" (горе, бессознательном) включаются как аспект в искомое знание о методе.

Итак, если общим предметом классической академической теории является фрагмент, выделенный методом из объекта,

ограниченный методом, то общим предметом психотехнической теории является сам метод, ограничающий и созидающий пространство психотехнической работы-с-объектом.

Всякая научная теория в своем общем предмете выделяет центральный предмет исследования, на котором сосредоточивает свое внимание, полагая, что познание законов этого центрального предмета является ключом к познанию всего общего предмета (например, в теории ВНД И.П. Павлова познание законов условного рефлекса – ключ к познанию всей высшей нервной деятельности). Отличие психотехнической от академической теории состоит в этом пункте в том, что если академическая теория подбирает метод, адекватный изучению центрального предмета, то психотехническая теория должна, наоборот, по работающему, эффективному психотехническому методу (нащупанному в живом опыте) восстановить такой *центральный предмет для которого этот практический метод является одновременно оптимальным и специфическим методом познания*.

Так, например, кандидатом на центральный предмет психотехнической теории индивидуальной психологической помощи вполне мог бы быть условный рефлекс на том основании, что механизмы обусловливания вполне способны объяснить эффективность методов бихевиоральной терапии. Однако, если мы спросим, способны ли, наоборот, эти методы дать новое знание о рефлексе, является ли, скажем, метод систематической десенситизации подходящим для изучения классического условного и оперантного рефлексов, то придется признать, что этот метод познавательно бесплоден и не идет ни в какое сравнение с павловским привязным станком или скиннеровским ящиком.

Если бы станок и ящик, будучи оптимальными устройствами для исследования обусловливания создавали еще и оптимальную ситуацию для эффективной психологической помощи (предположим на минуту, что критерии такой эффективности однозначны и общепризнаны), то бихевиоризм был бы психотехнической системой, а понятие условного рефлекса выражало бы центральный предмет этой системы. Либо наоборот, если бы методы бихевиоральной терапии были бы не только практически эффективны, но и оптимальны для исследований закономерностей обусловливания, то сама бихевиоральная терапия была бы не просто прикладным бихевиоризмом, лишь изошренно эксплуатирующим научные идеи материнской теории, а была бы психотехнической системой, наращивающей исходный научный капитал. И в этом случае условный рефлекс стал бы центральным предметом подобной системы.

Эти рассуждения приложимы и к любому другому понятию, претендующему на роль центрального предмета психотехнической системы. Возьмем для примера понятие гештальта. С одной стороны, необычайно познавательной плодотворная гештальт-психология, с другой, гештальттерапия – один из самых развитых и эффективных методов современной психотерапии. В категории гештальта сконцентрирована блестящая научная традиция, целая развивающаяся система понятий, концепций и экспериментов, за ней встают такие имена, как Кофка, Келер, Левин, и в то же время, эта категория стала основой разветвленной системы методов гештальттерапии, хорошо объясняет механизм эффективности этих методов, и в сфере психотерапии эта категория ассоциируется с такой звездой первой величины, как Ф. Перлз; казалось бы, о чем еще можно мечтать?! И все же этого мало. Категория гештальта не стала таким каналом, через который богатейший опыт гештальттерапии вливался бы в гештальтпсихологию и служил ее развитию, а в этом развитии создавались бы понятия и формы, вновь вливаемые в гештальттерапию и превращающиеся там в психотерапевтические методы. Отношения между ними ограничились, по сути, одноразовым вложением идейного капитала гештальтпсихологии в гештальттерапию без дальнейших взаимооплодотворяющих обменов. Именно поэтому гештальтпсихология и гештальттерапия не образовали психотехнической системы, а понятие гештальта, соответственно, не стало центральным предметом такой системы.

Итак, какое бы мы понятие ни пытались положить в основу психотехнической системы, сделать ее центральным предметом – рефлекс или гештальт, самосознание или диалог, характер или переживание, можно рассчитывать на плодотворность такой системы только в том случае, если это понятие будет удовлетворять следующим критериям: а) оно должно быть не выдуманно на потребу сиюминутной практической выгоде (как, например, понятие "якоря" в нейролингвистическом программировании), а концентрировать в себе идейную энергию и потенциал какой-то серьезной научно-психологической традиции; б) оно должно служить идейной основой эффективных психотехнических методов, т.е., с одной стороны, быть их конструктивным принципом, позволяющим создавать такие методы и методики, а с другой – их объяснительным принципом, позволяющим научно объяснить механизм действия как собственных, так и заимствованных методов; в) и, наконец, самое главное: оно должно быть способно сформировать или найти такой эффективный практический метод,

который в то же время был бы для этого понятия оптимальным, наилучшим, ключевым (чтобы не сказать единственно возможным) эмпирическим исследовательским методом.

Для разрабатываемой автором этих строк психотехнической системы индивидуальной психотерапии таким центральным понятием выступает понятие переживания, рассматриваемого как особая деятельность человека по преодолению критических жизненных ситуаций. Примером этого понятия легко проиллюстрировать последнее из названных методологических требований. Если бы нас даже совершенно не интересовали практические вопросы эффективности психологической помощи, а стояла бы лишь чисто научная задача эмпирического исследования переживания, то лучших испытуемых, чем клиенты психологической консультации, и лучшей "экспериментальной" ситуации, чем ситуация консультирования, найти было бы невозможно. Словом, если бы вообще не существовало индивидуальной психотерапии, то для изучения проблемы переживания ее нужно было бы изобрести.

Сведем в таблицу итоги сопоставления академической и психотехнической теорий.

Аспект познания	Естественно-научное познание	Психотехническое познание
Философия	Гносеологизм	Философия практики
Ценности	Внешние по отношению к познанию	Имманентны процессу познания
Адресат	Академический психолог или специалист другой профессии	Психолог-практик
Субъект познания	Нейтральный, "среднестатистический", отстраненный наблюдатель	Заинтересованный, индивидуальный или совокупный субъект
Контакт	Минимизированный, стандартизованный, эмоционально нейтральный. Связывает субъект и объект	Стремление к интенсивному, уникальному, эмоциональному контакту. Контакт объединяет, включает в себя субъектов психотехнической ситуации

Процессы процедуры исследования	Жесткие, неизменные в пределах опыта программы процедур	Гибкие, уникальные процедуры, тонко реагирующие на текущую ситуацию опыта
Знания	Знание в третьем лице о "нем". Знания испытуемого о себе лишь фактический материал	Знание внутреннее, личностное "о себе" или "о тебе"
Предмет и метод	Метод выделяет предмет из реальности и представляет его в "форме объекта", наблюдаемого извне	Метод объединяет участников психотехнической ситуации и сам становится предметом исследования
Центральный предмет	К центральному предмету подбирается адекватный метод исследования	К практически эффективному методу подбирается центральный предмет, для которого этот же метод является оптимальным методом исследования

Подведем итоги. Тот, кого всерьез волнует судьба нашей психологии, должен осознавать вполне реальную опасность вырождения ее в третьеразрядную дряхлую и бесплодную науку, по инерции тлеющую за академическими стенами и бессильно наблюдающую сквозь бойницы за бурным и бесцеремонным ростом примитивной, а то и откровенно бесовской, массовой попсихологии, профанирующей как те достойные направления зарубежной психологии, которые ими слепо копируются, так и психологию вообще, игнорирующей национальные и духовные особенности среды распространения. Это не какая-то отдаленная опасность. Гром уже грянул. Единственный шанс для нашей научной психологии, шанс не просто отсидеться еще какое-то время на теплой академической печи*, а сделаться подлинной, сильной, полноценной наукой, состоит в том, чтобы радикально измениться. Это не внешнее вынужденное изменение, оно заложено в генотипе отечественной психологии. Ей, по сути, нужно всего-то стать самою собой, не зарыть свой, именно свой, талант в землю, а пустить его в оборот, реализовать уже заложенные в ней потенции, из психологии деятельности превратиться в деятельную и жизненную психологию. Пришло время

* Заметно, впрочем, остывшей за два года, прошедшие с тех пор, как писались эти строки

услышать и исполнить все еще звучащие для нас слова Выготского о психотехнике, значимость которых он не зря подчеркнул евангельской метафорой о краеугольном камне: "это есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в чем ином спасения".

SUMMARY

Кроме давно существующих отраслей практической психологии, сейчас в нашей стране возникла психологическая практика, самостоятельные психологические службы. Она важна для психологии как школа для педагогики. Психология становится самостоятельной социально-практической сферой, такой как педагогика, медицина и др. Это радикально изменяет соотношение между теорией и практикой в психологии. Возникает необходимость в теории нового типа, основанной на "философии практики" (Выготский). В статье формулируются основные методологические черты психотехнической системы: 1) включенность прагматических и этических ценностей в ткань теории; 2) "пользователь" ее является психолог-практик; 3) объектом такой теории становится не психика, сознание и пр., а **работа-с-сознанием**; 4) центральный предмет и метод психотехнической теории находятся в таком соотношении, что конструируемый исходя из идеи центрального предмета практический метод воздействия является в то же время оптимальным эмпирическим методом исследования этого предмета.

ЛИТЕРАТУРА

Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр.соч. в 6-ти т. М., 1982. Т.1 С.291-436.

Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тб., 1984.

Пузырей А. А. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология. М., 1986.